
М. А. МАСЛИН

ПАМЯТИ ИВАНА ГОБОЗОВА

Уход Ивана Гобозова был неожиданным. Не то чтобы он был таким крепышом, что никто и не ожидал его скорой кончины... Он был одним из нас, таким же, как все мы; не отличался крепким здоровьем, по курортам и по заграницам не разъезжал, иногда побаливал, правда, никогда не жаловался на жизнь и здоровье: словом, был человеком советской закалки, неприхотливым, трудолюбивым и исполнительным. Иван жаловался на другое: на неустройства в стране, на предателей у власти, которые не переводятся и, видимо, не переведутся, на разгильдяйство и головотяпство в хозяйстве страны, на бессмысленные реформы образования. Он был человеком неравнодушным, пассионарного склада, марксистской закалки, не утратившим оптимизма. Вот почему уход Ивана был неожиданным. Был он человеком веселым и остроумным, при встречах на факультете обязательно награждал свежим анекдотом и ждал ответного «свежачка». Накануне своей болезни он обсуждал со мной планы будущей конференции, которую хотел провести вживую, а не онлайн, где можно было бы поговорить по душам. Предполагал поставить на обсуждение проблему так называемого «русского мира» – к этой теме он относился очень критически, считая, что после распада Советского Союза никакой суррогат «русского мира» не сможет заменить великую советскую империю. Он был франкофоном, стажировался во Франции, встречался с Раймоном Ароном, много о нем рассказывал. Но, как ни странно, из его уст я не слышал каких-либо идеологических «разоблачений» в адрес своего научного консультанта. Правда, не слышал я от Ивана и каких-либо превосходных оценок парижской жизни. Иван был человеком патриотического склада и в бытность редактором журнала

Философия и общество, № 1 2022 38–39

«Философия и общество» постоянно заказывал мне статьи, посвященные русским мыслителям. Причем, будучи человеком рационалистического склада, он заказывал статьи такого же направления, поскольку сам не жаловал религиозную философию. Но одного религиозного философа он все же уважал, это был Николай Бердяев. Прежде всего за «Истоки и смысл русского коммунизма», где Бердяев считал русский коммунизм итогом всей русской истории. Испытывал интерес к евразийству и поддерживал работу покойного Виталия Пашенко в этом направлении. Ничего от «лица кавказской национальности», кроме небольшого колоритного акцента, в Иване не прослеживалось. Он представлял собой мировоззренческий тип русского марксиста, и, общаясь с ним, можно было бы представить в его лице тип старого русского социалиста, ныне, к сожалению, практически утраченный. Живой, дружелюбный, незлобивый, открытый всему общеинтересному в жизни, не унывающий и всегда «настроенный на позитив». Таким Иван Гобозов запомнился мне.